

КСЕНИЯ МАРШАН

БЫВШИЕ

Чуждо шьет наны!

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ
РОМАН

Ксения Маршал

Бывшие. Чудо ищет папу

<https://litres.ru/74447817>

SelfPub; 2026

Аннотация

– Мам, нам срочно нужен папа, – заявляет важно дочь и застывает внезапно. При виде мужчины, выходящего из кофейни, Василиса чуть с самоката не падает.

– Мам, это он! – возбужденно кричит Васена, распахнув глаза. «Знаю» – чуть не произношу вслух. Ведь перед нами никто иной, как Герман Прокофьев. Отец Василисы и тот, кто предал меня пять лет назад.

– Мам, ну давай же! Уйдет! – взбудораженно кричит дочь. Конечно уйдет. Такие, как он, могут лишь развлекаться, а ты потом остаешься одна у разбитого корыта, коря себя и понимая: он никогда ничего напрямую не обещал.

– Не надо, – только и получается выдавить глухо из себя. Но Васька не слышит вовсе, срывается с места и мчит в сторону Германа.

Для утренника в саду моя четырехлетняя дочь решает самостоятельно найти себе отца. И все бы ничего, но в первый же день она случайно натывается на улице на Германа Прокофьева.

Того самого, кто предал меня пять лет назад и оставил с ребенком
под сердцем

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ксения Маршал

Бывшие. Чудо ищет папу

Глава 1

– Мам, нам срочно нужен папа, – когда пару дней назад дочь важно заявила о несбыточном, я лишь хмыкнула мысленно.

Конечно, папа нужен – это бесспорно, вот только мы с Василисой ему не нужны. Но говорить об этом четырехлетке, понятное дело, не стоило. Потому я и ляпнула, не подумав:

– Ну, давай тогда искать.

Кто ж знал, что моя Васена с таким энтузиазмом возьмется за дело. И вот мы уже второй день подряд после садика гуляем по окрестностям в поисках подходящего экземпляра. Но он – кто бы мог подумать! – никак не находится.

А все дело в том, что в детском садике грядет спортивный праздник, названный эффектно «День пап». Вот Василиса и решила озаботиться поиском отца, дабы не чувствовать себя в группе изгоем.

– Мозит вон тот, с собакой? – детский пальчик указывает в направлении огромного бородатого мужика с таким же здоровенным и неопрятным двортерьером на поводке.

Меня даже немного передергивает. Лучше уж совсем без

папы, чем с таким...

– Но он же на тебя совсем не похож, – несую абсолютную нелепицу. Главное – чтобы Васенке не пришло в голову действительно начать меня знакомить с этим мужиком. – Боюсь, никто не поверит в то, что он твой папа.

– Тебе никто не нравится! – дует на меня и отворачивается.

Берусь за розовую курточку и поворачиваю дочурку на себя. Целую прохладные щеки, обнимаю свое чудо.

– Просто я хочу выбрать самого лучшего для тебя. Ты же моя принцесса, а значит нам не подходит первый попавшийся дядя с улицы. Нам нужен кто-то приличный, хорошо воспитанный и чтобы нас с тобой любил. Обещаю, я обязательно найду для нас такого, – легонько жму пальцем на сладкий носик.

А дочка глаза закатывает, забавно дует губки и ворчит:

– Ты так сто лет искать будешь. Сыто я не зная, сыто ли...

Возразить язык не поворачивается. После истории с ее отцом, лживым бизнесменом Германом Прокофьевым, у меня напрочь отшибло желание связываться с мужиками. Да и зачем, если нам с Василиской и вдвоем хорошо? То есть, было хорошо до объявления об этом дурацком утреннике! И кому вообще пришло в голову делать праздник посреди весны? Двадцать третьего февраля и восьмого марта мало? Не было печали...

– А он нам вообще точно нужен, папа этот? – осторожно

закидываю удочку. – Вдруг он будет бардачить в квартире или нашу бабушку станет обижать? И вообще, у нас для него даже кровати нет... – действительно, в крошечной квартирке бабули уместились только гостиная, она же бабушкина комната, и наша с Васеной спальня. Такая крошечная, что даже шкаф с вещами у нас стоит в коридоре.

– Мама! – осуждающе. Мол, как это я таких поистине важных вещей не понимаю и прикрываюсь всякими глупостями. – Папа – холосий! Он нас всех любить будет, а спать мозет с бабулей, у нее же диван ласкладывается.

– Ах да, прости, что-то я не подумала.

– Ну ты даешь, – важно. – Мам, смотли, а этот? – пальчик дочери устремляется в сторону мужчины в шерстяном пальто.

Высокий, представительный, только что поставил новенький внедорожник на сигнализацию. Что ж, надо признать, у Васены иногда бывает неплохой вкус. К моему облегчению, на мужчину почти сразу же кидается молоденькая девица в кожаных лосинах и на высоченных каблуках. Такая классическая дива из соцсетей.

– Этот уже занят, – театрально вздыхаю. – А может просто не пойдешь на этот праздник? Посидишь дома с бабушкой, я пораньше с работы приду? – предлагаю альтернативный вариант в надежде, что дочь откажется от идеи.

Но не прокатывает. Василиса коротко, но емко отмахивается:

– Неть!

Мы еще гуляем какое-то время. Она на самокате, я – пешком. Погода радует. Конец марта в этом году выдался солнечным. Да и вообще весна – это здорово! Каждый раз как новая жизнь. словно второе дыхание открывается.

Васена придирчиво смотрит по сторонам, я же просто наслаждаюсь покоем и безмятежностью. Город, как и люди его населяющие, постепенно просыпается после спячки. Все вокруг улыбочивые, приветливые, и кажется, что впереди ждет что-то непременно прекрасное. Волшебное и незабываемое. Хоть и каждый год ничего подобного не происходит, все равно внутри по весне все замирает в ожидании.

Проходим с дочкой мимо школы, в которой я работаю, постепенно движемся в сторону дома. И вот, когда мы оказываемся неподалеку от пекарни, из которой всегда доносятся умопомрачительные ароматы, происходит невероятное. То, что никогда в жизни не должно было произойти, но почему-то случилось.

Двери заведения распахиваются, выпуская наружу мужчину. Высокий, с широкими плечами, идеально ровной осанкой и хмурым, неприветливым выражением лица. Он равнодушно скользит взглядом по окружающим, неся стаканчик с кофе в руке, а Василиса чуть с самоката не падает.

И я ее понимаю. Потому как мое сердце рвется с цепей и ухает вниз, в ушах стоит шум, словно мы на аэродроме, а живот сводит судорогой.

– Мам, это он! – возбужденно кричит Василиса, распахнув глаза.

«Знаю» – чуть не произношу вслух. Ведь перед нами никто иной, как Герман. Прокофьев. Отец Василисы и тот, кто предал меня пять лет назад.

Мы не должны были пересечься, тем более в нашем спальном Богом забытом районе. Но, что ОН тут делает?

Глава 2

Не размениваясь на то, чтобы глазеть по сторонам, Прокофьев уверенной походкой движется к автомобилю. Хищный седан с плавными формами и идеально отполированным металлом приветливо мигает габаритами, открывая замки.

Я буквально врастаю в асфальт. Стою, как громом пораженная, и пялюсь на постороннего, в сущности, мужика. Тогда как моя дочь, взбудораженно подпрыгивая на самокате, кричит:

– Мам, ну давай же! Уйдет!

Конечно уйдет. Такие, как он, могут лишь развлекаться, а ты потом остаешься одна у разбитого корыта, коря себя и понимая: он никогда ничего напрямую не обещал.

– Не надо, – только и удастся выдать из себя. Голос звучит глухо, безжизненно.

Но Васька не слышит вовсе. Похоже, в присутствии Прокофьева у всех женщин нашей семьи разум отказывает напроц. Как иначе объяснить то, что моя дочь вдруг срывается с места и мчит в сторону Германа?

– Папа! – орет она во все горло, пока Прокофьев, никак не реагируя, садится в автомобиль.

Я наконец отмираю и бросаюсь вслед за Васеной. На парковке перед пекарней же машины! Сердце колотится с неистовой скоростью. Страх мобилизует ресурсы организма,

и я лечу, не видя ничего перед собой, кроме дочери.

– Вася! – ору ей, но девочка упрямо едет вперед.

Губки поджаты, лобик выдвинут вперед. Поставила себе цель и всеми силами ее достигает.

К моему облегчению, она не успевает. Перед глазами мелькает росчерк, оставленный красными фонарями седана Прокофьева, а после автомобиль выезжает на проезжую часть и быстро скрывается за поворотом.

Ловлю свою амазонку и крепко прижимаю к себе.

– Василиса! – выдыхаю испуганно. – Ты что творишь? А если бы тебя машина сбила?

Заглядываю в голубые глазищи. Они наполнены слезами и от этого кажутся аквамариновыми.

– Он уехал, мам... – жалобно и словно не веря в то, что это действительно произошло, шепчет дочь. – Наш папа уехал, – начинает рыдать. Так безутешно и горько. Ревет на всю улицу, привлекая внимание прохожих. – Даже не посмотрел на нас...

А у меня сердце рвется на части. То самое, разбитое на мелкие осколки годы назад Прокофьевым, кое-как зажившее. Кажется, сейчас в разы больнее. Ведь тогда оно болело только лишь за обманутую себя, а сейчас – еще и за дочь. За ее светлые чувства, ненужные отцу. За надежды, разбитые в крах. И за маленькое сердечко, каким-то неведомым образом сразу же почувствовавшее своего родного отца.

Обнимаю Василиску, прижимаю крепко к себе. Так хочет-

ся тоже зарыдать – выпустить наружу обжигающие чувства. Но нельзя. Ради дочери я обязана быть сильной.

Эту ситуацию просто нужно пережить. Пожалеть свою кроху, испытавшую первое столь глубокое разочарование, и жить дальше. Возможно даже подыграть Васе и найти кого-нибудь ей на праздник. Не папу, конечно, но друга семьи или крестного – вполне возможно.

А подлец Прокофьев – это прошлое. И нечего ему делать в настоящем. Тем более точек соприкосновения у нас никаких, сегодняшняя встреча – не в счет. Вряд ли подобная случайность еще хоть раз повторится. Так что доверимся теории вероятности и будем жить спокойно.

Увести расстроенную Василису домой не представляет труда. Бабуля, встретившая ужином, пытается разузнать, в чем дело, но я в подробности не вдаюсь. Не хватало еще бабушку расстраивать, у нее и без того сердце слабое.

– Василиса папу хочет найти к следующему утренику, – говорю со вздохом. Ба все понимает. Нашу историю с Германом она знает, ведь все происходило у нее на глазах. – Но это не такая простая задача.

– Угу, – угрюмо кивает дочь и размазывает ложкой пюре по тарелке. Как и я, Васена не спешит в красках расписывать свое фиаско.

– Папа – это не бездомный котенок, чтобы его на улице подобрать и домой привести, – заключает ба. – Это вопрос серьезный.

– А сьто мне еще делать, если мама мне папу не заводит?
– возмущается Васена. – Где тогда его искать?

Ба кладет узловатую сухую ладонь на светлую головку и с нежностью гладит Васю.

– Потерпи, моя хорошая. Думаю, мама услышала твое желание и обязательно сделает все, чтобы у тебя появился папа. Но спешка тут ни к чему. Нужно же самого лучшего для тебя найти.

Слушаю спокойный голос бабушки, и на сердце легче становится. Как здорово, что я не одна! Что есть рядом кто-то мудрый, всегда готовый прийти на помощь. Благодаря бабуле вечер дома проходит спокойно. Васена, хоть и удрученная немного, но больше не плачет и не скандалит. Играет себе спокойно, смотрит мультики, купается, а после ложится спать.

Вот только ночью я слышу ее тихий плач во сне, в котором она так безутешно зовет папу, что у меня снова сердце сжимается. Я бы все отдала, чтобы сделать мою кроху счастливой. Злая ирония заключается в том, что тому единственному, кто способен исполнить желание Василисы, ничего от меня не надо, уж тем более какое-то сердце.

Утром отвожу дочь в сад и бегу на работу. Несмотря на ранний час, в школе непривычная суeta. Причем, дело не в детях, постоянно носящихся и орущих, сегодня взбудоражены мои коллеги.

– Наталья! – ловит меня в коридоре директриса, полная,

но весьма активная женщина почетных лет. – Ты чего опаздываешь?

– Так я же вовремя, – отвечаю растерянно, глядя на часы. Пришла, как и всегда, за двадцать минут до первого урока.

– Ты что, не знаешь, какой важный сегодня день? – Инна Павловна дергает меня за руку. Сверкает густо накрашенными глазами, а я понятия не имею, о чем она. – Сегодня к нам меценат приезжает! Идем, тебя заменят, а ты мне нужна для другого, – тащит меня куда-то в сторону. Ничего не понимаю, но послушно переставляю ноги.

– Для чего?

– Школу этому меценату покажешь.

– А почему я? – все еще силюсь вникнуть в суть происходящего.

– Ну что тебе такие элементарные вещи объяснять приходится! – цокает недовольно директриса. – Будешь этого мецената очаровывать, чтобы он как можно сильнее помог нам! Чтобы наша школа самой лучшей не только в районе стала – в городе! Ты ж единственная молодая и красивая в коллективе. Не Аллу же Петровну, в самом деле, посылать! Так что не вздумай мне все испортить, Теплова. А то уволю и столько проблем доставлю, всплакнешь, – шипит змеей Инна Павловна, продолжая держать меня мертвой хваткой. Как вдруг ее лицо резко меняется, губы расплзаются в слащавой улыбке, и совершенно другим тоном директриса тянет певиче: – А вот и Герман Андреевич Прокофьев. Доброе утро,

мы как раз вас ждем!

Глава 3

Застываю на месте, словно молнией пораженная. Легкие забывают качать воздух, сердце не бьется – я будто выпала из этой реальности и очутилась в вакууме.

«Герман Андреевич Прокофьев...» – звучит на репите в ушах. Мне не послышалось? Пожалуйста, пусть это имя мне послышалось... А образ хмурого мужчины – всего лишь еще одна галлюцинация. Уж лучше поехать кукухой, чем снова встретиться лицом к лицу с Прокофьевым. Я не готова!

– Доброе утро, – звучит густой, сочный голос, который, к сожалению, слишком хорошо мне знаком.

Во рту пересыхает. Язык становится распухшим и шершавым как наждачка. Выдавить из себя хотя бы жалкий звук не получается.

– Поздоровайся! – вместе с раздраженным шипением директрисы мне в бок ощутимо прилетает локтем.

– П-ф-ф-ф, – выпускаю с воздухом часть неприятных ощущений. – Доброе утро, – сиплю откровенно нездорово.

Кажется, Инна Павловна понимает, что от меня помощи не дождется, и принимается щебетать всюю:

– Очень рады вас видеть, Герман Андреевич! Спасибо, что выбрали наше заведение. Мы сделаем все, чтобы оправдать ваши надежды, – истекает медом директриса.

А я стою рядом и ничего не соображаю. Горю под взгля-

дом потемневших до антрацитового оттенка глаз. Кожа словно плавится под ним, обнажая все то, что внутри. Я как жалкая куропатка, попавшаяся на глаза хищнику, глупая и беспомощная. Прокофьев определенно точно меня узнал.

Да и не изменилась я настолько, чтобы рассчитывать на обратное.

Прокофьев

Наталья изменилась. Стала женственнее, будто еще воздушнее, еще притягательнее. Личико в форме сердца, огромные голубые глазищи, чуть вздернутый кверху носик – в такой и не заподозришь подвоха. Наградила же природа внешностью. К сожалению, время пошло этой змее только на пользу.

Вот уж не думал, что жизнь нас сведет еще раз. Судя по тому, как стушеввалась моя бывшая невеста, подобного она точно не ожидала. Что ж, я давно понял, что у судьбы свое специфическое чувство юмора.

И кто только Наташку до детей допустил? Неужели при приеме в школу никаких психологических тестов не устраивают? Представляю, чему такая, как она, юные умы научить может...

Пока я, препарирую взглядом бывшую, заодно вспоминая наше общее прошлое, директриса заливается соловьем. Полная, давно уже немолодая, не умеющая ничего, кроме как руководить на давно пригретом месте. Ясное дело, рада та-

кому подгону, как бесплатные деньги.

Впрочем, я в эту благотворительность сунулся не ради стареющих дам. Во-первых, всегда рад помочь детишкам, раз уж своих так и не завел, а во-вторых, не будем забывать об определенных преференциях для тех, кто занимается благородным делом. В большом бизнесе без этого никак. Всякие разрешения на строительство и прочие нужные бумажки получаются гораздо легче, если приносишь пользу городу.

Так что при подобном подходе все в выигрыше, а малыши не помогать по-любому приятнее, чем те же бабки давать на лапу какому-нибудь зажавшемуся чинуше. Любопытно только, что именно эта школа досталась мне.

Или Наташка узнала каким-то образом о том, что я здесь объявлюсь, и заранее подсуетилась, устроившись на работу? Не зря же эта разукрашенная директриса так старательно мне Теплому подпихивает. Интересно, а интим-услуги тоже прилагаются?

Версия, конечно, любопытная, но никакой критики не выдерживает и больше звучит как бред. Но и в случайную встречу с Натальей поверить не так-то легко. Может, ей все же от меня что-то нужно?

Вот прямо сейчас и узнаем.

– Отрадно видеть, что в школах сейчас работают такие замечательные педагоги, – говорю и бросаю многозначительный взгляд на Наташку. Директорша раздувается то ли от гордости за собственные кадры, то ли от радости, что ее став-

ка на молодую, симпатичную училку сработала. – Наверное, ученики с радостью ходят на занятия?

– Ха-ха-ха! Еще бы! У нас посещаемость, как и успеваемость, лучшая в районе, – радуется... как ее... Инна Павловна. По быстро брошенному осуждающему взгляду Натальи понимаю, что врет. Даже не приукрашивает немного.

Раньше я думал, что у Тепловой всегда все на лице написано. Считал самой искренней и неиспорченной. Жениться собирался, идиот, пока правда случайным образом не выплыла на поверхность.

– Надеюсь, общими усилиями мы сможем сделать вашу школу еще лучше и привлекательнее для учеников. Ведь школа, по сути, это второй дом для детей.

– Да! Да! – жарко поддерживает директриса. Интересно, если я буду совсем уж откровенную дичь нести, она так же активно поддакивать будет? А вот Теплова в разговоре почти не участвует. Стоит с таким видом, словно у нее все тридцать два зуба разом заныли. Не нравится компания? Или опасается, что я ее начальнице всю подноготную нечистоплотной сотрудницы выложу? – Жаль только, государственные учреждения не могут дать детям столько, сколько хотелось бы. Увы, мы ограничены бюджетом. И как же здорово, что есть у нас такие замечательные люди, как вы! Помощи мы всегда рады, а уж как обрадуются дети! – пухлая кисть, украшенная массивными золотыми кольцами с камнями, ложится на выдающуюся из выреза пиджака грудь.

– В таком случае предлагаю не терять драгоценное время и начать нашу экскурсию, – о том, что порядком устал от слащавых речей этой Павловны, предпочитаю умалчивать.

Сейчас гораздо больше меня интересует Наталья. Что ей движет? Что предпримет моя несостоявшаяся невеста? Внутри все зудит от желания действовать. С практически подростковым нетерпением жду момента, когда мы с ней останемся наедине, чтобы расколоть аферистку. И директриса не подводит:

– Конечно! Ведь мы тут для этого и собрались. Наталья Олеговна покажет вам все, а я пока проверю документы. Вы же знаете, в таком деле нельзя надеяться на авось.

Павловна наконец покидает нас, а я хищно улыбаюсь в предвкушении. Мысленно, конечно же.

Глава 4

«Нет-нет-нет! Не оставляйте меня с ним наедине! Пожалуйста...» – бьется в голове единственная мысль, но конечно же я ее не озвучиваю. Не осмеливаюсь. Лишь старательно натягиваю на лицо приемлемое выражение, в котором не отражаются страх, боль прошлых обид и паника.

Директриса, покровительственным жестом похлопав меня по плечу, чинно удаляется, я же чувствую, как крышка капкана захлопывается. Я в полном распоряжении хищника, и спасения от его лап нет! Разве что можно надеяться, что давно забытая забава не вызовет прежнего интереса, но плотоядный блеск стальных глаз говорит об обратном.

– Какая неожиданная встреча, не так ли, Наталья? – шурится Герман. Подозревает меня в чем-то? Так это же бред чистой воды! Хотя меня отчего-то так трясет в присутствии отца Василисы, что впору и правда заподозрить подвох.

– Вы правы, Герман Андреевич, – сдержанно киваю. – Не так я себе представляла сегодняшнее утро, – добавляю зачем-то.

Словно в укор Прокофьеву за то, что посмел явиться в школу и испортил мне привычную рутину. Хочется себе самой же хлопнуть по губам за слишком длинный язык. Профессиональнее нужно быть, Теплова! Да разве ж в присутствии бывшего жениха это возможно?

Смотрим друг на друга. Два непримиримых взгляда, чья история уходит корнями в далекое прошлое. Пять лет минуло, а я в присутствии Германа ощущаю все те же обиду, горечь и непонимание. За что он так со мной тогда поступил?

Успешный бизнесмен заскучал и решил разнообразить будни? Впрочем, кто их поймет, этих богатеев. Они же словно из другого мира. Мозги у них точно набекрень – в этом я собственном опыте убедилась...

– Раз уж я все равно не оправдал твоих ожиданий... – ядовито хмыкает Герман, явно с намеком на нашу историю. Меня словно насквозь простреливает. Желудок разъедает кислота. Хочется выплюнуть что-то столь же обидное гаду в лицо, но я молчу. Не могу себе позволить ни одного необдуманного поступка. Если напортачу с Прокофьевым, директриса на меня всех собак спустит. А мне нельзя так рисковать, у меня бабушка, Василиса. Поэтому стою, обтекаю и пытаюсь не дать поджатым в гнев губам превратиться в оскал. Герман же продолжает невозмутимо, явно наслаждаясь ситуацией: – Предлагаю не терять времени даром и заняться тем, ради чего встретились.

Моргаю в растерянности. Чувствую себя двоечником на уроке алгебры и силюсь понять, что именно хочет до меня донести наш многоуважаемый меценат. Вдруг все тело сковывает страх. А если Герман каким-то образом узнал о Василиске? Неужели он из-за этого явился по мою душу? Чувствую, как стальные пруты отчаяния начинают сжимать

грудную клетку.

Да нет, не может быть... Только вчера Васька гналась за своим непутевым папашей, а сегодня он уже вовсю глумится надо мной. Не мог он так быстро узнать о дочери.

– Наталья! – Прокофьев щелкает перед моим лицом красивыми по-мужски пальцами. Мне вообще всегда нравились его руки: широкие массивные ладони, длинные, но крепкие пальцы, всегда аккуратные ногтевые пластины. Даже в такой мелочи Герман безупречен. Жаль, внешность не всегда соответствует внутреннему содержанию... – Вернись на землю грешную. Идем, покажешь мне ваше заведение. Если справишься хорошо, наконец сможешь стрясти с меня то, о чем всегда мечтала. Бабла побольше, – поясняет со смешком он на мой недоумевающий взгляд.

– Ты думаешь, мне от тебя нужны были исключительно деньги? – поперхнувшись воздухом и откашлявшись, сипло уточняю я.

– Нет, большая и чистая любовь, конечно, тоже, но все-таки в первую очередь бабло, – хмыкает бывший жених. В его глазах равнодушного серого цвета презрение и насмешка. Мол, он меня раскусил и переиграл. Впрочем, чего еще ждать от человека его круга. Они там все такие, с калькулятором вместо сердца. Я в этом еще пять лет назад убедилась на примере Амалии. – Ну, не выгорело и не выгорело, я не в претензии, – жмет он плечами, будто в кругу друзей вспоминает чей-то давний забавный провал.

Так вдруг гадко становится. Получается, Герман только что всю ответственность за случившееся на меня свалил. Мол, это не он обманул, это я думала только об одном – о деньгах, а значит и виновата во всем сама.

– А знаете, Герман Андреевич, давайте и правда лучше школу посмотрим, – перехожу к официальному тону и все-таки растягиваю губы в улыбке.

Правильнее всего будет держать дистанцию. В конце концов Прокофьев тут ненадолго. Великий бизнесмен вскоре уберется восвояси, я же продолжу жить, как жила до этой встречи. Главное – не проболтаться про Василису и не дать ей пересечься с Германом. Хотя последнее выглядит и вовсе сродни чуду.

– Ваше время так дорого стоит, не хочу понапрасну его тратить, – добавляю вежливо. Немного приторно даже. Пускай думает, что хочет, мне лишь бы отделаться от него побыстрее, да забыть как страшный сон.

– Неужели ты стала мудрее со временем? – прищуривается. – Или опираешься на прошлый опыт?

Я спешно придумываю достойный ответ, но он становится не нужен. Прокофьев отвлекается на звонящий телефон. Проводит пальцем по экрану, отвечая на входящий звонок.

– Минуту, – бросает небрежно. – Мне нужно ответить, же-на звонит, – а потом переводит взгляд на мои пальцы.

Видимо в поисках обручального кольца, которого как не было, так и нет.

Глава 5

Прокофьев

Нахрена я жену упомянул? Амалия всегда была фиктивной, а сейчас и вовсе бывшая. Не иначе как задеть Теплому понадобилось. Козырнуть, мол, у меня семейная жизнь сложилась, в отличие от тебя. Еще и взгляд на пустой безымянный палец показательно бросил. Идиот!

Не насрать ли мне, че там и как у Натальи? Посторонняя женщина, не гнушающаяся использовать грязные методы, а внутри все равно екает. Не изжил еще старые привычки?

Плохо, Прокофьев, плохо. Садись, неуд.

Вроде давно состоявшийся мужик, а до сих пор ведешь себя на раскосые глазки с пушистыми ресницами, невинный румянец и чуть приоткрытые пухлые губки. Когда тебя жизнь уже научит, а?

Амалия сердито выдает в трубку что-то про бабки, про то, сколько, по справедливости, ей должно причитаться после развода, затем ноет про болезнь отца и его бестолковых замов. У меня же в ушах стоит совсем другой разговор. Давний, перевернувший всю жизнь вверх дном.

– Я должна тебе кое о чем рассказать, – уже тогда Амалия была моей женой.

Фиктивной конечно же – партнеру отца, переехавшему в страну, нужно было помочь легализоваться, а его доче-

ри – получить гражданство. Впрочем, ничего против я не имел. Красивая молодая жена рядом, тем более точно знающая, как себя подать, в моем деле один большой плюс. Разве что к рыжеволосой красавице я ничего, кроме приятельских чувств, не испытывал.

В отличие от нее. Но эту прописную истину я понял гора-а-аздо позже. Точно знающий, как вести бизнес, я никогда не разбирался в женщинах.

Амалия сидела передо мной на террасе модного ресторана, в котором назначила безотлагательно срочную встречу, и мяла тонкими пальцами льняную салфетку. Также мялась и сама, вызывая раздражение и невольное желание рывкнуть, поторапливая.

– Амалия, – не сдержал я рвущийся наружу рык.

Голова была забита совсем другим. Точнее – другой. Моей Наташкой. Ее счастливый смех, напоминающий звон хрустального колокольчика, до сих пор звучал в ушах. Моя девочка обещала встретиться вечером и обо всем рассказать. Так что фиктивное жене едва ли удавалось завладеть моим вниманием.

– Прости, – мягко выдохнула Амалия. При всей своей откровенно хищной и яркой внешности, она всегда была тихой скромницей. Только позже я понял, что все это было шоу, рассчитанное на одного единственного зрителя. – Я правда не знаю, как тебе рассказать о подобном, – смущенная и в то же время виноватая улыбка.

– Может тогда стоило сперва как следует подготовиться и только потом дергать меня с работы? – бросаю раздраженно. Вся эта нарочитая невинность и томность на меня не действовала должным образом. А уж в той ситуации – и подавно.

Амалия подобралась. Одного у нее не отнять – она всегда предельно тонко меня чувствовала. Пухлые розовые губы дрогнули, когда с них сорвалось тяжелое:

– Гер... – суровый взгляд, и фиктивная женушка зачастила, словно оправдывая свою нерешительность: – Ты же знаешь, я бесконечно тебе благодарна за все и желаю только лучшего. Поэтому и не могу молчать: твоя Наталья подделала документы о беременности. Я случайно встретилась с ней в клинике. Ты же знаешь, мы по страховке от твоей компании все в одну ходим, – холодная узкая ладонь легла поверх моей.

Выдернул руку тут же. Противно – словно к змее прикоснулся.

– Ты рехнулась, Амалия? – рявкнул зло, ни на миг ей не поверив. Какая еще подделка документов? Да и зачем это Наташе?

Рыжая улыбнулась печально:

– Если бы, Гер. Я понимаю, что в такое не хочется верить, но сам подумай, какой смысл мне врать? Я всего лишь хочу отплатить тебе добром за добро. Ты – один из самых близких для меня людей, естественно, что я хочу уберечь тебя от огромной ошибки. Твоя Наталья сегодня покупала в клинике поддельную справку о беременности. А я нечаянно стала

свидетельницей этого разговора.

С минуту сверлил Амалию взглядом. На первый взгляд обманывать ей резона никакого. Все, что нужно было, от нашего брака она практически получила – остались считанные месяцы. Их с отцом деньги надежно защищены контрактом, а больше я ей ничего дать не мог. Но все равно на подкорке чувствовался подвох. Не похожа Наташа на тех, кто любыми способами готов пристроить задницу в тепло.

Смущало одно – в единственный наш раз мы предохранялись, и наступать беременности вроде как не от чего.

– Не веришь мне, так спроси у доктора! – закатила зеленые глазища Амалия. – Так и знала, что не стоит вмешиваться! Как говорится, не совершай людям блага...

– Не делай добра, – не выдержал, поправил иностранку.

– Да какая разница! Я поехала, – психанула жена и оставила меня вариться в собственных мыслях.

А тем же вечером я в последний раз увидел счастливую Наталью. Совсем молоденькая, такая открытая и светлая, она буквально светилась от счастья, когда рассказывала мне о своей счастливой беременности.

Я же любовался единственной, кого любил, а внутренне сгорал от жесточайшего в жизни разочарования. Покрывался черной сажей и пеплом, старел на десятки лет... Потому что моя служба безопасности к этому времени успела связаться с доктором из клиники и подтвердила слова Амалии: мой белокурый ангел оказался на поверку не таким уж чи-

стым и безгрешным.

Девочка Наташа встретила богатого олуха и решила за его счет поправить свои дела. Ведь что может быть проще: разыграть невинность, первую любовь и случайную беременность? Ради заветного колечка девчонки и не на такое шли...

Понять я подобное смогу, принять – никогда.

Глава 6

Всего одна фраза Прокофьева, небрежно брошенный взгляд, а я чувствую себя так, словно мне увесистую пощечину зарядили. Последний раз я себя такой оплеванной чувствовала, когда беременная Василисой пришла сообщить счастливую весть жениху. Радовалась, дурочка, верила в лучшее и старательно гнала от себя злые слова Амалии, подруги Германа.

Точнее – жены, как выяснилось. Она поймала меня прямо в частной клинике, куда я пришла подтвердить беременность. Стоило только выйти из кабинета врача, позвонить и назначить любимому встречу после работы, как я случайно наткнулась на эту рыжеволосую стерву. Она бросила многозначительный взгляд на табличку с фамилией и специализацией гинеколога, а потом отвела меня в сторонку.

– На пару слов, если позволишь, пока все это не зашло слишком далеко, – процедила мне с жуткой, ледяной улыбкой.

Конечно, я была против! Не до нее вообще. Вот только Амалию мое мнение нисколько не волновало. Мы с ней пересекались всего несколько раз, и Герман всегда называл ее другом семьи, а еще считал замечательным и добрым человеком. Мне же казалось, что эта женщина – самый настоящий волк в овечьей шкуре. Но я помалкивала, не желая лезть, ку-

да не просят.

– Не советую, – холодно бросила мне Амалия и прищурила красивые раскосые глаза. Она практически приперла меня к стенке, загородив собой проход и не позволяя уйти раньше, чем она сама решит.

– Чего не советуешь? – я, как последняя дура, хлопала ресницами, действительно не понимая.

– Строить далеко идущие планы и пытаться захомутать Прокофьева ребенком, – не особо церемонясь, пояснили мне.

От мерзких слов и того, в каком свете эта женщина представила мое положение, плохо сделалось. Накатила волна дурноты, сильно смахивающей на токсикоз. Только реакция организма была не на беременность, а на чужое отвратительное хамство.

– Знаешь, думаю, это не твое дело, – я сделала рывок, чтобы уйти, но Рыжая успела поймать меня за руку. – Мы с Герой сами разберемся, без посторонних... – я вскинула подбородок.

Да кто она вообще такая, чтобы вмешиваться? Вскоре ответ на этот вопрос я получила.

– Ха-ха-ха, посторонних! – меня оборвал ядовитый смех. Люди уже начали поглядывать на нас, но Амалии явно было все равно. – Из посторонних тут только ты, девочка, – прошипела она. – Знай свое место, нищенка, если хочешь подольше задержаться рядом с моим законным мужем. Если я

ему позволяю всякие интрижки на стороне, это не значит, что потерплю чужих отпрысков! Так что не вздумай принести в подоле, Герман все равно никогда не признает этого ребенка.

В ушах зашумело. Злые слова Рыжей затронули что-то в душе, но разум никак не мог понять, что именно. Вообще сложить в единую логическую цепочку сказанное Амалией не получалось.

– Знаешь, ты со своим мужем можешь делать, что хочешь, но в нашу с Германом жизнь не лезь, – бормотала я отстраненно, пытаясь прорваться к выходу наконец и сбросить с себя железную хватку. К сожалению, Амалия не отпускала.

– Потрясающе! – выдохнула она немного визгливо, качая головой. – Ты такая идиотка. Прокофьев и есть мой муж, але! В этом раскладе лишняя ты и набор клеток в твоем пузе! Так что вали по-хорошему и больше не объявляйся...

Рыжая ведьма еще что-то кричала мне в спину, но я уже бежала к выходу и ничего не слышала. В голове упорно бились ее фразы, которые просто не могли быть правдой.

«Прокофьев – мой муж...»

«Набор клеток в твоем пузе...»

«Вали по-хорошему...»

– Это все ложь. Ложь... – шептала я убегая.

Слезы лились из глаз ручьями, затуманивая зрение. Голова не работала. Чудо, что я сумела добраться до дома без происшествий. Бабушка на весь день уехала в пенсионный

фонд, поэтому я смогла как следует прорыдаться и подумать.

Решила в итоге не верить чужим наговорам. Среди людей много завистников и просто негодяев, упивающихся чужими несчастьями. А Германа я знала, видела его квартиру, и никаких женских вещей там в помине не было. Да мы же общались каждый день! И не скрывались никогда. Утаить жену в таких условиях практически невозможно.

Поэтому вечером к Гере я ехала уже практически спокойная. Представляла, как расскажу о нашем малыше, как обрадуется любимый, подхватит меня на руки и будет кружить-кружить-кружить...

Да, я оказалась даже еще наивнее, чем считала Амалия.

– Красивая справка, – кивнул Прокофьев холодно, когда я, заикаясь и кусая губы, поведала ему о беременности. – Даже верю, что от настоящего врача. Скажи, Наташ, ты меня совсем за идиота держишь? – зарычал впервые на меня Гера. Я даже на шаг назад отступила – настолько пугающим в тот момент выглядел мой любимый.

– Почему? – мне удалось выдать только шепот. Совсем не на такую реакцию я рассчитывала...

– Думаешь, я поверю в чудесную беременность после единственного защищенного секса? – так он назвал ночь, ставшую для меня откровением и превратившую из девочки в женщину. То, что для меня было драгоценным таинством, Прокофьев считал обыденным защищенным сексом. – Что, так сильно не терпелось прибрать меня к рукам? Затащила

в постель и решила, что я теперь тепленький? Что тут же женюсь, обеспечив тебе райскую жизнь? Типа, разок раздвинула ноги и больше не нужно напрягаться? Хороший план, браво. Только знаешь, что? Ищи себе на эту роль другого идиота! А справку не выкидывай – пригодится еще, дату в ней подправишь и в бой.

– Что ты такое говоришь, Гер? – мои губы онемели, как и все тело, которое я перестала чувствовать. Только холод, пронизывающий каждую клеточку тела, а еще ужас. Колючий и ледяной.

– А ты на другую реакцию рассчитывала, да? – усмехнулся он зло.

Очевидно, передо мной стоял совсем не тот мужчина, которого я знала, любила и доверяла на все сто процентов. Этот незнакомец был отвратительным, гадким и жестоким. Под стать своей Амалии.

Я еще не осознавала происходящее, боль вместе с отчаянием пришли позже. Перед тем, как развернуться и уйти, задала тихо всего лишь один вопрос. Чтобы раз и навсегда прояснить для себя всю ситуацию.

– Скажи честно, ты женат?

Глава 7

И вот теперь, спустя годы, стоя под презрительно-холодным взглядом Прокофьева, я чувствую себя ровно так же, как пять лет назад. Жалкой, ненужной, преданной. А еще глупой и слишком наивной.

К счастью, я уже не та юная ромашка, заглядывавшая в рот своему кавалеру и восхищавшаяся им, как телезвездой. Специально веду правой рукой возле уха, якобы поправляя волосы. Пусть Герман внимательно все рассмотрит, раз уж так приспичило. Мне стыдиться точно нечего!

А вот по его недовольному, даже чуть брезгливому выражению лица, можно сделать вывод, что в семейной гавани Прокофьевых не все так ладно, как бы моему бывшему хотелось. Мимику Германа я знаю хорошо, поэтому смело могу утверждать: общению с благоверной он вовсе не рад. Ну да я не из тех, кто будет упиваться чужим несчастьем. Хоть и верю, что в конце концов каждому воздастся по заслугам.

Прокофьев, рыкнув в трубку что-то неразборчивое, быстро сворачивает разговор. Прожигает меня таким взглядом, словно это я во всех бедах виновата. У меня же наоборот получается наконец взять себя в руки и если не вернуть самообладание, то хотя бы делать видимость.

– Вы готовы продолжить? – улыбаюсь вежливо.

От вида того, с какой силой наш уважаемый меценат стис-

кивает челюсти, внутри приятно щекочет. Наверное, я все-таки плохой человек. Но тот факт, что мы словно ролями поменялись, не может не радовать.

– Веди, – коротко кивает Прокофьев.

Закрывается. По его мрачному лицу невозможно ничего прочитать. И странным образом мне это не нравится. Я будто превратилась в энергетического вампира, пожирающего чужие эмоции, будь то плохие или хорошие. Неважно. И сейчас Герман меня этого лишил.

Умом понимаю, что он все делает правильно – в первую очередь мы оба профессионалы своего дела. Но что-то темное внутри меня буквально требует очередной подачки. Душу это неправильное чувство в зародыше. Мне от Прокофьева ничего не нужно! Пускай смотрит школу и проваливает уже. Может хоть тогда дышать свободно получится.

– Тут у нас раздевалки, как видите, – мы с Германом идем по коридору, уже забитому детьми. Приходится практически прижиматься друг к другу, чтобы никто из гомонящей толпы не снес или не задел портфелем. – Ничего особенного, но, думаю, вы тут не из-за... – не успеваю закончить мысль, как на меня с криками «Наталья Олеговна!» нападают три первоклашки.

– Здравствуйте! – звонко и весело кричат мои ребята, сразу втроем обнимая меня. – Идемте на урок! – зовут меня нетерпеливо. – Скоро звонок ведь.

Хорошие такие. Открытые, добрые, веселые, смешные, с

одинаково беззубыми улыбками. На душе сразу же тепло становится. С классом мне повезло, очень хорошие дети попались. Мы как-то сразу нашли с ними общий язык.

Но расслабляться и быть добренькой нельзя. Задача педагога – учить и воспитывать в первую очередь. А если буду мягкой, то вскоре даже самые замечательные детишки сядут на шею и ножки свесят.

– Вы разве не заметили, что я не одна? – строго смотрю на своих первоклашек. Тушуются сразу же.

– Ой... – пищат слаженно.

– Поздоровайтесь и извинитесь за свое поведение, – продолжаю воспитательный процесс. Дети вразнобой просят прощения. На мордашках чувство вины и досада. – Хорошо, а теперь идите в класс, с вами сегодня позанимается другой учитель. Как видите, я занята с очень уважаемым человеком.

И все же перед тем, как отпустить, глажу малышню по теплым мягким затылкам.

Поворачиваюсь к Прокофьеву и натываюсь на вновь потемневший взгляд.

– Дети тебя любят, – немного хрипло говорит он.

Не знаю, почему Герман решил именно это сказать вслух. Да и зачем? Как и не понимаю, что отвечать на подобное. Поэтому просто пропускаю замечание мимо ушей и продолжаю экскурсию.

– На первом этаже учатся первые классы. Тут рекреации. Будете смотреть или поднимемся на второй этаж? Там адми-

нистративный коридор, актовый зал и компьютерный класс.

Прокофьев бросает совсем незаинтересованный взгляд на рекреацию и, подталкивая в поясницу, направляет меня к лестнице. Кожа даже сквозь ткань пиджака огнем горит. Жуткие ощущения! Естественно, я желаю как можно скорее от них избавиться. Поэтому прибавляю шаг и первой оказываюсь возле ступенек.

Надо же, всего одно невинное касание, а какое ускорение мне придало! Чуть ли не бегом взлетаю наверх. Все-таки оборачиваюсь посмотреть, поспевает ли за мной меценат, и не замечаю ребенка. Ученик с огромным портфелем наперевес вылетает с верхнего лестничного марша. Круто поворачивается на сто восемьдесят градусов, держась рукой за перила, и сбивает меня с ног, как мощный шар жалкую кеглю.

Лечу вниз, зажмуриваясь и в красках представляя, как сворачиваю шею, ломаю конечности и распугиваю своим непрезентабельным видом юные умы.

К счастью и моему великому удивлению, ничего подобного не происходит. Меня ловят крепкие руки. Я все-таки падаю, но на что-то более мягкое и ровное, чем ступеньки.

Открываю глаза и натыкаюсь на искаженное болью суровое лицо. Слишком близко. Недопустимо. Прокофьев лежит навзничь на полу, а поверх него – я. В нос тут же ударяет аромат давно знакомого парфюма – дерево и вишня.

Чувствую тепло, исходящее от мощного тела мужчины, и горячие ладони, удерживающие меня на месте. Голова кру-

жится.

– Ты как? – хрипит Герман, обжигая мои губы дыханием.

Глава 8

На несколько мгновений зависаю в моменте. Время вокруг нас словно останавливается. А потом все резко приходит в движение. В затуманенное сознание врзается шум, гам и резкий окрик нашего завуча по воспитательной работе:

– Так! Что тут у вас происходит?

Дети начинают скопом что-то рассказывать, объяснять. Я наконец понимаю, что мои губы находятся неприлично близко к Прокофьевским, наше дыхание смешивается. Ерзаю, упираюсь ладонями в крепкую грудь и пытаюсь встать. Герман сдавленно охает.

– Наталья Олеговна, вы решили угробить нам мецената? – строго интересуется завуч и тянет меня за локоть с тела Прокофьева.

Я поддаюсь, но, кажется, задеваю жизненно-важный орган господина мецената. Потому что его последующее «Уф-ф!» звучит гораздо ярче и болезненнее, чем предыдущее «Ох!»

– Наталья! – шипит раздосадовано Алла Ивановна. А потом добавляет мне на ухо: – Ты слишком серьезно восприняла просьбу директора понравиться меценату. Поменьше пыла, – и тут же переключается на Прокофьева, натягивая на лицо слащавую улыбку: – Герман Андреевич, позвольте вам помочь. Приносим глубочайшие извинения за этот инцидент! Дети, сами понимаете. Но мы никого не оправдыва-

ем, все виновные непременно будут наказаны! – бросает в мою сторону многозначный взгляд.

Замечательно! Мало того, что приходится иметь дело с предателем-бывшим, так теперь из-за него я еще и ослаблюсь на всю школу как соблазнительница-неудачница и получу выговор за причинение тяжких телесных.

Раздраженно смотрю на успевшего подняться Германа. Он хмурится недовольно, проводит рукой по затылку, а потом растирает что-то между пальцев. Вижу, как кожа на них окрашивается в ярко-красный, и мне дурно становится.

Только этого еще не хватало! Он головой приложился? А если я его убила? Слышу, как гомон вокруг нарастает. Становится тревожнее и напряженнее.

– Тихо! – рявкает Прокофьев, все его тут же слушаются. – Проводите нас в медкабинет, Наталья обработает рану, – приказывает Алле, словно та не завуч, а обычная техничка.

Алла Ивановна трясет головой, как китайский болванчик:

– Конечно-конечно! Только ключи возьму, – завуч спешно убегает куда-то – видимо за ключами, предварительно рявкнув на учеников: – А-ну, разошлись все, урок скоро начинается!

И снова мы с Германом оказываемся одни среди спешащей толпы. Школьники бросают на нас любопытные взгляды, но останавливаться и тем более задавать вопросы не решаются.

Смотрю на его мрачное лицо, непроизвольно кусаю губу.

Получается, он меня спас, приняв удар на себя. Если не Прокофьев, лететь бы мне с этой злополучной лестницы, ломая конечности.

– Спасибо, – говорю тихо. Голос после пережитого стресса не особо слушается.

– Обращайся, – кривит губы в улыбке Герман.

Жалеет, что подставился? Или не ждет от меня благодарности? Не понимаю. И все же беспокойство за чужое здоровье зудит внутри.

– Очень больно? – никак не могу успокоиться я. – Может, лучше поехать в больницу? МРТ там, рентген на всякий случай. С травмами головы не стоит шутить...

– Наталья! – резко осекает меня. Вздрагиваю. Но потом все же смягчает тон: – Я нормально себя чувствую, удар не был сильным. Просто неудачным. Сейчас обработаешь антисептиком и все. Не нужно лишней суеты.

Моргаю растерянно. Ответственная часть меня требует настоять на обследовании, но Герман взрослый мужчина и в состоянии отвечать за себя. Не считает нужным обращаться к врачу, его право. В конце концов кто я такая, чтобы настаивать? Так, всего лишь проходной эпизод из прошлого...

Нужно и самой себе почаще об этом напоминать и перестать слишком сильно беспокоиться о Прокофьеве. Господин меценат тут совсем по другому делу присутствует.

– Да, прости, – снова перехожу на «ты», плохо контролируя себя. – Идем, я провожу тебя в медкабинет. Медсестра

позже приходит, но Алла Ивановна обещала его открыть для нас. Ты же особенный гость.

Герман снова кладет ладонь мне на поясницу, как бы направляя. В этот раз не решаюсь убежать или дергаться. Лучше потерпеть.

Возле медкабинета встречаемся с завучем. Она отпирает дверь, пропускает нас внутрь. Собирается зайти следом, но Герман не позволяет. Упирается ладонью в деревянный косяк, преграждая путь Алле. Та смотрит растерянno, непонимающе.

– Благодарю за помощь, дальше Наталья справится без вас, – голос Прокофьева буквально налит сталью.

Естественно, Алла Ивановна не решается спорить. Поджимает губы, бросает в мою сторону осуждающий взгляд и уходит.

– Если что-то еще понадобится, зовите меня, – говорит напоследок.

Герман захлопывает дверь, запирая нас в тесном помещении наедине, а меня всю трясти начинает. Воздух становится густым и тяжелым, стены словно съезжаются, грозясь раздавить. Или это присутствие бывшего жениха так на меня действует? И то, каким темным взглядом он прожигает?

Бросаюсь к окну и резко распахиваю створку, пуская внутрь свежий воздух. Делаю жадный глоток, оборачиваюсь к Герману. Натыкаюсь на нечитаемый взгляд. А в груди все клокочет от ярости и непонимания. Для чего он все это де-

дает?

– Зачем? – выплевываю зло. – Ты хоть понимаешь, какие теперь обо мне слухи пойдут по школе? Ты уедешь, а мне как работать? Или тебе снова плевать на всех, кроме себя самого?

Глава 9

– Не советую начинать этот разговор, – цедит Прокофьев, припечатывая предупреждающим взглядом.

Не нравится, что напомнила о том, как подло он поступил со мной в прошлом? Господин миллиардер не терпит, когда его носом макают в собственные промахи? Конечно, гораздо приятнее считать себя непогрешимым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.